

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА В СВЯЗИ
С КОМБИНАТОРИКОЙ КОМПОНЕНТОВ БИНАРНОЙ
МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ $N_1 + de + N_2$**

Метафорическая бинарная структура (метафорическая бинарма) $N_1 + de + N_2$ как минимальное синтагматическое звено, в котором лексические единицы (компоненты структуры) способны совершать переход от виртуальных знаков в актуальные, находится в эпицентре взаимодействия механизмов тропического именования и их логико-синтаксического фундамента. Поскольку исследуемая метафорическая бинарма является продуктом комбинаторной техники высказывания (одним из видов косвенной номинации), изучать ее необходимо в диалектическом единстве семантических и структурных свойств, формальных и смысловых тождеств.

Представляется, что сочетабельность компонентов бинармы, их способность к совместному формированию единого экспрессивно-образного высказывания непосредственно зависят от характера организации и взаимодействия их семантических структур, глубинной семантики. При этом структурную семантику компонентов метафорического сочетания целесообразно рассматривать не изолированно, а в их тесной взаимосвязи (комбинаторике).

В процессе исследования особенностей семантических преобразований в семантических структурах компонентов метафорического словосочетания важная роль отводится методу компонентного анализа, который позволяет вскрыть глубинные процессы, происходящие в структурах лексем, а также установить признаки денотата, лежащие в основе сем и составляющие каждое из значений компонентов бинармы. Важно выделить в семантической структуре отдельные значения полисемантических лексем — ЛСВ семантических признаков разного уровня абстракции, находящиеся между собой во взаимно последовательном подчинении и образующие иерархическую систему. Механизм взаимодействия сем на синтагматической оси впервые установили французские лингвисты Б. Потье и А. Греймас [5, 8]. В советской лингвистике этой проблемой успешно занимался В. Г. Гак, который четко сформулировал представление о значении слова как иерархической организации. Последняя «включает архисемы (общие семы родового значения), дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого предмета» [1, с. 371]. На структурную организацию лексических единиц указывает М. В. Никитин, выделяя при этом две основные части в лексическом значении слова: содержательное ядро (интенционал) и периферию семантических признаков (импликационал). Отмечая, что каждая из них имеет структуру, автор в интенционале выделяет гиперсему и гипосему, т. е. родовую и видовую части, связанные специфичными отношениями. В свою очередь между

интенционалом и импликационалом имеются существенные различия. Так, интенционал — закрытая жесткая структура конечного множества признаков, составляющая постоянный компонент значения имени, а импликационал — варьирующий в контексте компонент — является открытой вероятностной структурой неконечного множества признаков [2, с. 26].

Принимая во внимание, что в рассматриваемых примерах речь идет о метафорических образованиях, созданных путем лексико-синтаксического комбинирования двух полнозначных лексических единиц, попытаемся проследить процесс формирования бинарной метафоры путем исследования семантического взаимодействия ее компонентов.

В данных словосочетаниях оба компонента (N_1 , N_2) являются полисемантическими номинативными единицами, причем один из них условно квалифицируется как семантически стабильный, принимаемый в качестве семантического «маркера» бинармы. Ср.:

L'omnibus roulait doucement et sur les fenêtres ruisselantes de pluie défilèrent des fantômes d'arbres écartés, des champs de fumée [10, p. 123]. Secoués par le vent, les arbres se sont débarrassés de leur manteau de neige et, grâce à cela, on les distingue bien [4, p. 78]. L'instituteur... qui ne se distinguait de mon ami que par un collier de barbe noire... poussa un coup de sifflet [6, p. 298]. Il comprit la torture du prêtre, ses angoisses, son regard de martyr sous l'avalanche de phrases de Saint-Fiacre [9, p. 163].

В этих фразах мы выделили бинармы *fantômes d'arbres*, *manteau de neige*, *collier de barbe*, *avalanche de phrases*, у которых второй компонент рассматривается в качестве опорного семантического звена синтагмы и квалифицируется как ядро модели, а семантическая вариативность N_1 (адьюнкта) непосредственно определяется семантикой «аргументирующего» компонента ядра N_2 . Рассмотрим подробно процесс взаимодействия семантических элементов в одной из выделенных синтагм — *collier de barbe*. Здесь в качестве точки отправления для семантической вариативности компонента N_1 служит непосредственно его основной ЛСВ с прямым номинативным значением. Под воздействием валентностных и семантических особенностей его синтаксического партнера (ядра синтагмы) компонента N_2 внутри семантической структуры основного ЛСВ слова *collier* происходит перераспределение иерархии его сем, характеризующие семы перемещаются на передний план. В данном случае происходит индуцирование сем эмоционально-оценочного содержания, а номинативные семы, являющиеся основными в семантической структуре имен существительных, уходят на задний план, присутствуют латентно. Таким образом, создается семантическая двуплановость внутри семантической структуры основного ЛСВ существительного *collier*. С другой стороны, в семантической структуре основного ЛСВ *collier* не прибавилась и не убывала ни одна из сем, а нарушились лишь их иерархия и соотношение. Актуализованное значение существительного *collier* мы квалифицируем как

«комбинаторный вариант», представляющий собой результат комбинаторно-семантических потенций данной лексической единицы. При этом данное существительное в условиях его синтагматического распространения в несвойственном ему контексте выступает в роли характеризатора другого существительного *barbe*, к которому можно отнести характеристики, содержащиеся в актуализованном комбинаторном варианте *collier*. Если «перевести» данную метафору, то получится вполне логическое высказывание — «круглая борода». Своеобразие метафорического комплекса *collier de barbe* состоит в том, что семантические изменения претерпевают оба компонента (ядро и адьюнкт), а семантическая стабильность одного из них (компонента N_2) является условной. Под влиянием семантики N_1 *collier* существительное *barbe* утрачивает свое автономное денотативное свойство и вместе с компонентом N_1 *collier* образует единое метафорическое слитное высказывание. В данной метафорической синтагме содержится имплицитное сравнение N_2 с N_1 — «*barbe ronde comme un collier*».

Итак, семантические изменения отмечаются в обоих компонентах, если же в характеризующем компоненте N_1 происходит обязательная и более явная перестановка его семантических элементов, то в компоненте N_2 в данном случае подобной перестановки не наблюдается.

В рассмотренной метафорической структуре N_1 и N_2 являлись конкретными именами существительными. В случае синтагматического столкновения в бинарме именных лексем с конкретной и абстрактной значимостью, семантические изменения в их структурах более выражены:

Chaque jour il buvait un calice d'amertume, comme il disait, jusqu'à la lie [7, p. 94].

В выделенной бинарме, где происходит синтаксическое столкновение лексических единиц с конкретным и абстрактным содержанием, в большей степени отмечаются двусторонние семантические изменения, затрагивающие семантическую структуру обоих компонентов. В бинарме *calice d'amertume* в качестве ядра выступает компонент N_2 *amertume*, а адьюнкта — N_1 *calice*. Компонент N_1 *calice* содержит скрытое (имплицитное) сравнение со священным сосудом, из которого пьют во время совершения религиозных ритуалов. Под влиянием конкретной выраженности адьюнкта N_1 *calice* ядро N_2 *amertume* определяет свою семантику, абстрактное понятие *amertume* («горечь») уподобляется священному напитку, который можно испить из священной чаши (*calice*). В пределах двучленного метафорического отрезка (минимального контекста) отмечаются семантические изменения у обоих компонентов. Вместе с тем у адьюнкта N_1 *calice* они более выражены за счет переакцентации структурных семантических элементов, номинативные семы отходят на периферию семантической структуры его основного ЛСВ, а качественные семы оценочного характера перемещаются на передний

план. В результате у лексемы *calice* реализуется «комбинаторный вариант» со значением меры, количества.

В исследуемой метафорической модели перестановка семантических элементов структуры компонентов происходит в соответствии с семантическими свойствами контекстного партнера, а семантика каждого из них определяет (лимитирует) выбор и реализацию сем. В семантической структуре основного ЛСВ компонента N_1 происходит наиболее осязаемая перестановка его сем. В результате у компонента N_1 реализуется «комбинаторный вариант», не имеющий своего аналога в системе языка. Именно намеренное нарушение синтагматических связей компонентов и вызывает у них необходимость видоизменять свою семантику с тем, чтобы у компонентов синтагмы восстановились валентностные отношения, а высказывание обрело логическую завершенность.

Таким образом, метафорическое значение возникает не за счет обособления одного признака из многих, свойственных основному ЛСВ компонентов бинармы, а на базе совокупности признаков реальных и потенциальных, которые вступают в глубинные отношения с окружающими словами. При этом разрушаются привычные и устоявшиеся связи слова в языке. Именно в этой контекстной чувствительности сем заключается источник тех художественных приращений смысла, которые составляют неотъемлемую часть художественного образа [3].

Список литературы: 1. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1972, с. 367—395. 2. Никитин М. В. Лексическое значение слова. М., 1983. 3. Шендельс Е. И. Совместимость (несовместимость) грамматических и лексических значений. — Вопр. языкознания, 1982, № 4, с. 78—82. 4. Charrière H. Papillon. P., 1969. 5. Greimas A. J. Sémantique structurale (recherche de méthode). P., 1966. 7. Mac Orlan P. Le quai des brumes. P., 1927. 8. Pottier B. La définition sémantique dans les dictionnaires. Strasbourg, 1965. 9. Simenon G. L'affaire Saint-Fiacre. P., 1959. 10. Troyat H. Le vivier. P., 1935.

Поступила в редколлегию 01.10.84.

А. Д. ПЕТРЕНКО

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКА СТУДЕНЧЕСТВА ГДР В КАЧЕСТВЕ СОЦИОЛЕКТА

Если в период формирования литературных языков вариативность проявляется преимущественно в территориальном аспекте, то по мере развития литературного языка, усложнения его стилевой структуры образуется функциональная вариативность (конкуренция форм, относящихся к различным функциональным стилям и социолектам) [2, с. 10]. Существующие между общественными и языковыми явлениями взаимосвязи часто находят отражение в языке людей, соединенных одними корпоративными связями

и сходным социальным статусом. Хотя язык не носит классового характера, однако в ряде случаев языковые единицы оказываются социально-обусловленными и являются отражением общественно-классовой структуры общества, а также социальных факторов, влияющих на языковое функционирование и развитие.

В 80-е годы в советской и зарубежной, особенно американской, социолингвистике наметилась тенденция к исследованию языкового поведения больших и малых социальных групп. Советские лингвисты в разработке данной проблемы исходят с классовых позиций, а не с произвольно выделенных признаков различных общественных слоев, в состав которых входят представители разных классов.

Большинство населения ГДР в настоящее время составляет молодежь в возрасте от 14 до 25 лет. В общении между собой молодые люди употребляют сотни идиоматичных слов и словосочетаний, составляющих специфику «молодежного жаргона». Ученые рассматривают его обычно в числе групповых или корпоративных жаргонов [3, с. 9—10], так как они являются «своего рода общественной забавой, языковой игрой, подчиненной принципам эмоциональной экспрессивности» [4, с. 110]. Эмоция слова в данном жаргоне заключается в шутке, в озорстве, с которым это слово произносится [6, с. 341]. Тех, кто использует в речи «молодежный жаргон», как правило, объединяет возраст (школьники, студенческая молодежь, молодые рабочие, служащие).

Наиболее многочисленную общественную группу, выделяемую из молодежной среды ГДР представляет студенчество, численность которого в 1983 г. составляла 131 тыс. чел. [7, с. 111]. Поскольку студенчество не является носителем классовообразующих признаков, ряд исследователей считает студенчество крупной общественной группой непродуцированного характера (источником пополнения интеллигенции), занятой подготовкой к высококвалифицированному труду и активно участвующей в общественно полезной деятельности [8, с. 207]. Так, исследователь проблем истории немецкого языка А. Бах отмечает, что еще в XVII—XVIII вв. в Йене, Лейпциге, Гисене получил развитие студенческий язык, или «язык буршей», который сыграл важную роль в обогащении словарного состава немецкого языка [1, с. 311].

Словари студенческой лексики начали выходить с 1781 г., т. е. со времени опубликования Х. В. Киндлебенем «Студенческого словаря-лексикона». В 1980 г. вышла в свет книга Х. Вебера «Студенческий язык», в которой содержатся характерные примеры выражений студентов с подробными комментариями автора.

Если исходить из определения языкового коллектива, как совокупности социально взаимодействующих индивидов, которые обнаруживают определенное единство языковых признаков и их употребление в речи, то можно было бы студенчество рассматривать в качестве подобного коллектива. Тот речевой репертуар, которым располагает студент, представляется как совокупность языковых и речевых вариантов и форм, регулярно используемых в процессе

социального взаимодействия в пределах данной социально-коммуникативной общности. Если сравнить силу воздействия социальных характеристик на распределение фонетических, словообразовательных и морфологических вариантов, то число релевантных признаков сказывается в большей степени на распределении фонетических вариантов [5, с. 37—50].

Исследования языковой вариативности на фонетическом, в частности сегментном уровне, в среде коммуникантов, объединенных определенной социально детерминированной общностью, позволяют выделить явления, относящиеся исключительно к рангу данного социально-коммуникативного коллектива (У. Лабов, Е. Хауген, С. Егер, Х. Вебер, Л. П. Крысин). Эта вариативность затрагивает практически всю систему языка, поскольку она представляет собой относительно легкий для описания лексический пласт, просодическую структуру, сегментное оформление, а также отражается в явлениях словообразования и синтаксиса.

Исследователи особенностей языкового поведения в среде студенчества ГДР ориентировались прежде всего на лексику студентов, оставляя без внимания особенности произношения. С этой точки зрения целесообразно выяснить, сопровождается ли лексическая, словообразовательная, синтаксическая вариативность речи студентов ГДР явлениями вариативности на фонетико-фонологическом уровне. Если подобные объективно существуют, в частности на сегментном уровне, и не могут быть объяснены территориальной принадлежностью информантов (функционально-стилистическими особенностями), то они, составляя в совокупности с явлениями вариативности на других уровнях языковой системы специфику функционирования современного немецкого языка в среде студенчества ГДР, позволяют определить его в качестве социолекта.

Однако вариативность в языковой системе на разных уровнях ее организации носит несистемный характер. Кроме того, явления языковой вариативности тесно переплетаются с понятием «стиля» как на уровне языка, так и на уровне речи. Поэтому они обусловлены выбором того или иного стиля в силу коммуникативных задач, которые возникают в процессе общения в данном коллективе. Исходя из этого, важно определить особенности соответствия того или иного стиля речи студентов ГДР явлениям вариативности их произношения.

Список литературы: 1. Бах А. История немецкого языка. М., 1956. 2. Гак В. Г. Норма и толерантность.— Иностр. яз. в шк., 1984, № 1, с. 3—8. 3. Бондалетов В. Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. М., 1966. 4. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936. 5. Крысин Л. П. К социальным различиям в использовании языковых вариантов.— Вopr. языкознания, 1973, № 3, с. 37—50. 6. Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи.— В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 322—341. 7. Карманный статистический справочник Германской Демократической Республики. Берлин, 1983. 8. Рубина Л. Я. Советское студенчество. М., 1981.

Поступила в редколлегия 01.10.84.

МОДАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ФОРМА
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ ОЦЕНКИ

Модальность как форма эмоционально-волевой оценки лежит в основе побудительных значений, спецификой которых являются высокая степень эмоциональной насыщенности, неразрывное взаимодействие модального и коммуникативного функционирования разноуровневых языковых средств. Исходя из этого, будем рассматривать побуждение как функционально-семантическую модальную категорию. Такой подход требует изучения системы таких средств выражения [7, 20], посредством которых актуализуются значения форм побудительной модальности для выполнения определенных семантических функций [5, с. 47, 53, 55]. Структура функционально-семантической категории побудительной модальности представляется в виде семантического или лексико-грамматического поля [5], основным признаком которого является общность семантической функции средств различных языковых уровней, наличие в них семантического инварианта [2, с. 56]. Инвариантным значением в поле модального побуждения выступает значение побуждения, распадающееся на ряд модально-экспрессивных вариантов, которые не выходят за пределы инвариантного значения побудительности [1, 14]. Идею классификации модальных значений предложила Е. А. Крашенинникова, положив в ее основу отражение в языковой модальности не только логических суждений, но и эмоционально окрашенных стремлений человека, которые выражаются в просьбе, мольбе, уговаривании, упрашивании, запрещении [12, 13]. А. М. Пешковский писал, что повеление по своей природе эмоционально [15, с. 96—102] и принадлежит к эмоционально-волевому языку, где экспрессивные оттенки господствуют над интеллектуальными [8, с. 59]. Ш. Балли замечает, что представить себе волеизъявление рассудочным, предельно неэмоциональным почти невозможно [3, с. 25]. Довольно трудно представить, например, изъявление-приказ предельно рассудочным даже в случае нейтральной констатации: *Faites cela. Je veux que vous fassiez cela* [3, с. 25]. Примешивая к выражению мысли чувства, робкую просьбу, мольбу, волеизъявление примет такие формы: *Oh! Faites cela! Comme je voudrais que vous fassiez cela!* [3, с. 25]. Говорящий, высказывая просьбу, требование, приказ отчетливо представляет себе общественное положение человека, к которому обращено волеизъявление. Это порождает, например, особого рода чувства, отмеченные «социальной» (термин Ш. Балли) характеристикой: просьба с оттенком любезности, вежливости — *Corignon: Je suis obligé de partir brusquement; voulez-vous remettre cette lettre au général quand vous le verrez?* [22, p. 440]; почтительность — *Irène: Excusez-moi de ne pas vous dire le nom de la personne...* [22, p. 31]; просьба с оттенком язвительной любезности — *Pochet (sur*

un ton pincé): ... veuillez donc de ne pas vous insérer dans nos discussions intestinales. Quand vous avez une scène avec Amélie, j'ai celui d'en faire autant [22, p. 22]; боязнь — Le peintre, ... craintivement: Qu'est-ce que vous en pensez, Monsieur?; грубость, цинизм, бесцеремонное требование — Le Gros Monsieur: Ce n'est pas votre affaire. J'en pense certainement quelque chose, je ne puis rien vous dire, vous m'empêchez de voir, descendez de l'échelle, vite, vite [24, p. 250]; робкая просьба — Le peintre: Oh! Monsieur, ne la grondez pas.— надменность, требование с оттенком недовольства, запрет — Le Gros Monsieur: Ce n'est pas votre affaire (à Alice): Je t'ai déjà dit de ne pas te plaindre à tout le monde! Poussez donc l'échelle, tous les deux [24, p. 250]. Императив, передающий эти чувства по степени заключенной в ней экспрессии, ставится в один ряд с такими формами эмоциональной оценки, как восклицания и междометия [6, 18], а императивные предложения могут рассматриваться в разряде восклицательных. Эмоциональная насыщенность сближает императив с сущностной характеристикой такого эмоционального средства, как повтор [10, 16]. Эмоциональность в императивных конструкциях неразрывно связана со стремлением говорящего увеличить прагматический потенциал высказывания, экспрессию, усилить свое воздействие на слушающего в плане категоричности/некатегоричности, просьбы, уговаривания: — Jeanne, ... soudain...: Appelle tes soldats, Warwick, appelle tes soldats, je te le dis, vite! [19, p. 179]; — Alice: Que veux-tu... Explique-moi... ...Parle... parle... mon frère... il n'y a que des paroles qui comptent, le reste est du bavardage [22, p. 268]; робкой просьбы — Bérenger, balbutiant: Mon amour, ma joie! ma joie, mon amour, ... donne-moi tes lèvres, je ne me croyais pas capable de tant de passions! [24, p. 105]; более категоричной просьбы — Daisy: Sois plus calme, sois plus sûr maintenant.— Bérenger: Je le suis... donne-moi tes lèvres! [24, p. 105]; просьбы-наказа с оттенком доверительности — Etienne, peu convaincu: Toi, tu es mon meilleur ami; eh bien, rends-moi ce service, pendant que je ne serai pas là... (très scandé) occupe-toi d'Amélie! — Marcel: Moi? — Etienne: Oui, balade-la! Mène-la au théâtre, déjeune, dine, soupe, marche!.. [22, p. 82]; требования — Charles leur crie, s'agenouillant aussi: Eh vous, Archevêque, donnez-nous la bénédiction, et plus vite que ça! [22, p. 82]; категоричного требования — L'Inquisiteur: Silence, Frère Ladvenu, vous dis-je! Encore une fois, maintenant, c'est moi qui l'interroge. Je vous prie de ne pas oublier que je représente ici la Sainte Inquisition... [19, p. 126]; категоричного требования, угрозы — Alice: Ne joue pas avec ton pistolet! — Le Gros Monsieur: Défendu de bouger! Défendu de pleurer! Attention, il est chargé! [24, p. 268]; предупреждения с оттенком раздражительности, недовольства — L'Inquisiteur: Silence, Frère Ladvenu, vous le dis-je! Où il faudra que je m'occupe de votre cas [19, p. 128]. Эмоциональность в этом смысле пронизывает все речевое высказывание и поэтому не случайно она, входя в категорию модальности в качестве семантического

инварианта, формирует предложение как законченную мысль [2, с. 44].

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что количество вариантов эмоциональной побудительности колеблется от двух до более двадцати: мольба, просьба, молитва, упрашивание, приглашение, вызов, предупреждение, команда, приказ, запрет, предложение, требование и т. п. [4, 9, 21]. Колебания в выделении оттенков модального побуждения объясняются, по-видимому, тем, что учитывается широкий и узкий план противопоставления при выделении частных модальных значений, а также не принимается во внимание факт наличия побудительной модальности в положительной (разрешение) или отрицательной (запрет) формах, которые резко меняют тон повествования. Исходя из этого положения, путем противопоставления широкий план позволяет выделить смысловую оппозицию разрешение/запрет. Узкий план противопоставлением выделяет в первом противочлене, с одной стороны, значение побуждения, которое, в зависимости от ситуации и оценки ее говорящим, может выступить в каком-либо из своих многочисленных вариантов, отличающихся по степени интенсивности эмоционально-волевой реакции побуждающего в виде просьбы, увещевания — Durand: *Laissez-les courir. Eh soyez plus poli. On ne parle pas de la sorte à des créatures...* [24, p. 96]; приказа — Alice, *menaçant toujours: Tu ne bougeras pas de ton bureau! Tu resteras là...là...* [24, p. 260]; совета — Cauchon, *doucement: Il faut que tu répondes, Jeanne, à présent; je crois te comprendre, mais il faut que ce soit toi qui le dises* [19, p. 162]. С другой стороны, в первом противочлене выделяется значение разрешения как реакции на диаметрально противоположные смысловые значения разрешения совершить действие, где побуждаемое действие представлено как положительное качество, и запрета действия, выступающего с отрицательным качеством. В данном случае действие может быть относительно активным или пассивным. Если под активностью говорящего понимать эмоциональную интенсивность его волевой реакции, то активность в данном случае сливается с категоричностью, настойчивостью в выражении волеизъявления, напр.: — *L'Inquisiteur, au boureau: Allez, mets le feu, vite! Que la fumée, l'entoure, qu'on ne la voie plus!* [19, p. 183]. В то время как при пассивном отношении побуждающего к действию сема интенсивности, отражающая характер волеизъявления, несколько ослабевает. В этом смысле пассивность сливается с некатегоричностью, мягкостью, ненавязчивостью, тактичностью, волеизъявления, напр.: — *Pâris: Héléne, chérie, voici Hector. Il a des projets sur toi, ... Il veut te rendre aux Grecs et te prouver que tu ne m'aimes pas... Dis-moi que tu m'aimes, avant que je te laisse avec lui... Dis-le moi comme tu le penses* [23, p. 61]. При этом активность, категоричность в побуждении непосредственно связана с нарастанием экспрессивности. Если волеизъявление представить как качество, которое может проявляться в различных количественных градациях [11], то ак-

тивное отношение побуждающего к действию будет характеризоваться более высокой количественной долей волеизъявления, в то время как при пассивном отношении говорящего к действию количественная доля как бы убывает. Различная степень интенсивности эмоционально-волевой реакции часто отражается в таких оппозициях одного и того же признака побудительного значения, как приказ, резкий приказ, категоричный приказ, т. е. нарастание интенсивности волеизъявления выражается с помощью сем «настойчивый», «резкий», «категоричный». Поскольку гибкость языка состоит в том, что он находит реальную возможность передавать говорящему оттенки мыслей, чувств при восприятии и оценке действительности, можно предположить, что существующие формы побудительной модальности отражают градацию эмоционального волеизъявления. Именно под таким углом зрения следует более углубленно изучать языковые средства, объединенные в системе эмоционально-волевой категории побудительной модальности.

Список литературы: 1. *Андреева И. С.* Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке.— Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 3. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961. 4. *Бельский А. В.* Побудительная речь: Уч. зап. Первого МГПИИЯ, 1963, 6, вып. 5, с. 81—146. 5. *Бондарко А. В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. 6. *Валимова Г. В.* Функциональные типы предложения в современном русском языке. Ростов н/Д, 1967. 7. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке.— В кн.: Труды ин-та рус. яз. АН СССР. М.; Л., 1950, т. 2, с. 38—80. 8. *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947. 9. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. 10. *Кисловская Е. Н.* Побудительная модальность в структуре повтора.— Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 11. *Кошевая И. Г.* Категория числа. К., 1969. 12. *Крайчинникова Е. А.* Новое в немецкой грамматике.— В кн.: Учение о предложении (обзор зарубежных работ). М., 1967, с. 99—111. 13. *Ее же.* Побудительная модальность в немецком языке.— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1953, 12, вып. 5, с. 458—482. 14. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. М., 1912. 15. *Пешковский А. М.* Интонация и грамматика.— В кн.: Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930, с. 96—108. 16. *Попова Т. Г.* Повтор как стилистическое средство выражения эмоций (на материале пьесы Ж. Жироду «Троянской войны не будет»).— Вестн. Харьк. ун-та, 1978, № 70. Иностр. яз., вып. 11, с. 58—64. 17. *Раснонов И. П.* Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973. 18. *Ратова Т. О.* О восклицательных предложениях.— В кн.: Проблемы английской филологии и психолингвистики: Уч. зап. Калинин. ун-та, 1975, с. 76—82. 19. *Anouilh J.* L'alouette. P., 1953. 20. *Bruneau F.* La pensée et la langue. P., 1922. 21. *Curme D.* A Grammar of the English language: In 3 v. Boston; N. Y.: L., 1931, v. 3. 22. *Feydeau J.* Théâtre. P., 1954. 23. *Giraudoux J.* La guerre de Troie n'aura pas lieu. P., 1935.

Поступила в редколлегию 12.11.84.

**ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СИНОНИМИИ
В БИОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ
ТЕРМИНОСИСТЕМАХ**

Исследование синонимов в биологической (БЛ) и медицинской (МД) терминосистемах на основе компонентного анализа позволяет выделить синонимические ряды и вскрыть системные связи между ними. Парадигматический подход к разбору фактического материала способствует изучению синонимии параллельно в двух терминосистемах.

Рассмотрим некоторые особенности синонимических взаимоотношений, вытекающие из лексического состава БЛ и МД терминосистем, а количественный анализ выделенных типов* синонимов отдельно в каждой из них сопоставим с результатами их общего разбора на основе составленных синонимических словарей.

Сравнение лексического состава синонимических парадигм* в этих терминосистемах показывает, что в синонимические парадигмы МД терминосистемы и отдел научной БЛ терминологии входят в основном иноязычные термины классических языков, вступающие в синонимические отношения как между собой, так и с немецкими терминами, в отличие от синонимических парадигм отдела названий высших таксонов растений, животных и микроорганизмов, где преобладают немецкие термины. Латинская классификационная система употребляется здесь отдельно и в данном исследовании во внимание не принимается.

Темпоральное различие в лексическом составе синонимических парадигм двух терминосистем требует также различного подхода к изучению синонимических корреляций. Для раскрытия истинных взаимоотношений между иноязычными синонимами классических языков и немецким необходимо интерпретировать иноязычные термины не как структурную систему в целом, а разделить их на несколько микроструктур. В этих целях мы использовали диахронный анализ.

Исследование иноязычных терминов-синонимов (ТС) в диахронии помогло установить их современное парадигматическое состояние и правильно определить виды синонимов в парадигмах. Сравнение современных значений терминов с этимологическими показывает, какие стороны понятия представляют или представляли интерес на каждом этапе научного познания.

Иноязычные медицинские термины можно условно разделить на три группы по принципу намеренного сопоставления этимологических и современных значений терминов. К первой группе отно-

* Имеется в виду лексико-семантическая группа терминов, соотнесенных с одной предметно-логической основой, в которой одна языковая единица противопоставляется другой по определенному признаку в плане содержания или выражения.

сятся эксплицитные термины, которые не изменили своего значения по сравнению с этимологическим. Во вторую группу входят термины с частичным или полным переосмыслением, переносом значения, т. е. потерей первичной семантической мотивированности. Ф. де Соссюр характеризовал их как термины, которые не до конца произвольны, не вполне пусты, но имеют рудимент естественной связи между означающими и означаемым*. Третья группа включает в себя имплицитные термины, которые не имеют лингвистического основания или этимологическое значение которых не выяснено. Однако различие в лексическом составе (по генетическому признаку синонимических парадигм, как и различие двух терминосистем по отношению к объектам не препятствует определению видов синонимов, поскольку языковые знаки представляют собой единицы, вступающие в синонимические отношения как по линии означающего, так и означаемого, образуя лексико-семантический синтез. Анализируемый материал убеждает нас в том, что не существует различия в характере синонимии двух терминосистем, поскольку они располагают одинаковыми видами синонимов: полными, дистинктивно-семантическими и частичными.

К полным ТС относятся слова (словосочетания), семантические дифференциальные признаки** которых совпадают в пределах одного и того же предметно-логического содержания. Дистинктивно-семантические синонимы БЛ и МД терминосистемы соотносятся с одной и той же предметно-логической основой, отличаясь семантическими дифференциальными признаками. Полисемические термины, совпадающие лишь отдельными семантическими дифференциальными признаками образуют частичные синонимы. Следовательно, лингвистическими методами невозможно обнаружить отличительные свойства в характере синонимии БЛ и МД терминосистем. С помощью количественных характеристик можно описать языковые явления с позиций, которые остаются скрытыми при использовании лингвистических методов. Для решения этой задачи необходимо сначала определить количество парадигм в синонимических словарях, составленных авторами статьи.

В таблице приведены данные количественного распределения различных видов синонимов и их удельный вес в БЛ и МД синонимических словарях по отношению к общему числу синонимов. Из таблицы видно, что удельный вес каждого из видов синонимов в БЛ и МД терминосистемах не одинаков. Такое различие обусловлено лексическим составом терминосистем. В МД терминосистеме, например, преобладают иноязычные термины классических языков, которые полностью совпадают семантическими дифференциальными признаками между собой и немецкими синонимами. Иноязычные ТС, отличающиеся дифференциальными признаками или

* См.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 79.

** Служат средством дифференциации тождественных понятий в конкретной терминосистеме (См.: Арнольд И. В. Оппозиции в семасиологии — Вopr. языкознания, 1966, № 2, с. 107).

Вид синонимической парадигмы	Терминосистема			
	БЛ		МД	
	количество	%	количество	%
Полные	439	16,2	2109	63,3
Дистинктивно-семантические	1604	59,5	945	28,3
Частичные	456	17	143	4,3
Комплексные*	198	7,3	137	4,1

* Примечание. Обязательным условием образования комплексной синонимической парадигмы является наличие не менее трех терминов, два из которых представляют один вид отношений, а третий в сопоставлении с первыми двумя отличается (полностью или частично) дифференциальными признаками.

совпадающие с ними частично,— явление довольно редкое в МД терминосистеме. В БЛ терминосистеме преобладают немецкие синонимы, которые чаще подвергаются полисемии или подчеркивают дифференциальными признаками различные стороны одного и того же понятия.

Таким образом, различия в лексическом составе терминосистем, а также отношения к специфическим объектам в каждой терминосистеме служат основой количественного несоответствия в распределении видов синонимов в БЛ и МД терминосистемах.

Поступила в редколлегию 01.10.84.

О. А. РАССКАЗОВА

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Широкое распространение в современном французском языке различных вариантов безличных конструкций связано с особенностями структуры предложения, в котором значение форм и семантика слов обусловлены характером их сочетаемости и тесным с ней взаимодействием, а также широким вовлечением личных переходных глаголов в построениях безличного плана. Рассмотрим безличность (имперсональность) как семантико-грамматическую категорию, свидетельствующую о том, что выражаемое действие (состояние) не соотносится ни с каким деятелем и не предполагает производителя действия. Если же в безличном предложении выражается действие, соотносимое с каким-либо лицом, то данное лицо выступает в предложении как экспансия, обозначающая не агенса действия, а лицо, испытывающее действие (состояние). Такая глубинная понятийная основа дает основание утверждать о возможности

пересечения функционально-семантического поля залоговости с некоторыми типами безличности [1, с. 231; 2, с. 219]. Семантический характер категории безличности подчеркивается также определенными оттенками в значении самих безличных глаголов. Синтаксическая безличность как категория, находит свое выражение в структуре предложения, а морфологический характер определяется особой формой спряжения глагола, совпадающей с формой третьего лица единственного числа, образуя при этом специальный класс собственно безличных глаголов.

Последние показывают неотделимость процесса от его источника. Первичные безличные глаголы обозначают состояние окружающей среды, атмосферные явления (*il pleut; il brume*) или имеют модальное значение (*il faut; il vaut mieux*). В качестве безличных могут употребляться личные глаголы, обозначающие существование (*il existe*), возникновение и движение (*il est arrivé un malheur*), и другие процессы. Безличные глаголы имеют ряд морфологических и синтаксических особенностей. Они не изменяются по лицам и предствлены только формой третьего лица единственного числа. Бессубъектность не следует смешивать с бесподлежащностью. Во французском языке безличные глаголы обычно сопровождаются формальным подлежащим *il*. Безличные глаголы могут быть переходными, переходными и двупереходными. Существительное, следующее за глаголом (*il arrive des trains tous les jours*), называемое иногда в традиционной грамматике логическим субъектом, в синтаксическом отношении представляет собой разновидность прямого дополнения. Это подтверждается тем, что оно замещается объектным приглагольным местоимением (*des trains, il en arrive tous les jours*). Поскольку позиция прямого дополнения в предложении занята этим членом предложения, в качестве безличного может использоваться только глагол, который сам по себе является переходным. Переходные глаголы входят в состав безличной конструкции только при условии изменения своей грамматической характеристики, т. е. став переходным. Одним из способов такого изменения является местоименная форма глагола: «*Dites-moi, mon ami, comment se fait-il que vous soyez allé chez cette Armandine que vous ne connaissez pas?*» [10, р. 49]. Страдательная форма глагола в безличном значении сохраняет свое лексическое значение: «*Il est entendu que vous aimez mieux vivre seule*» [9, р. 157].

В безличных конструкциях могут употребляться только определенные семантические группы глаголов, выражающие движение, возникновение, следствие, явление природы, состояние, переход из одного состояния в другое, различные модальные оттенки. Глаголы конкретного значения, как *penser, lire* etc, в простой глагольной форме не могут употребляться безлично. Существует также ряд глаголов, постепенно видоизменяющих свое основное значение, характерное для них в личной конструкции, и в безличном употреблении они становятся омонимами соответствующих глаголов: *il convient, il importe, il sied, il vaut, il suffit, il se peut* etc. Эти гла-

голы благодаря наличию особого семантического оттенка чаще употребляются в безличной конструкции и становятся «безличными», хотя процесс «обезличивания» в них полностью еще не завершен. Следует отметить, что безличная структура предложений весьма продуктивна. В то время как новых безличных глаголов почти нет, и несмотря на то, что некоторые безличные глаголы выходят из употребления, безличные предложения развиваются в современном французском языке в основном за счет личных глаголов.

Основой построения безличного предложения служит безличная конструкция, которая представляет собой особую структурно-семантическую группу, являющуюся синтаксически двусоставной (il безличное — подлежащее) и семантически односоставной (il безличное — формальный аргумент), и имеющую различные средства глагольного выражения. Исходя из этого, выделим следующие типы конструкций.

1. Конструкции с собственно-безличным глаголом:

а) глаголы, обозначающие явления природы (il pleut, il neige, il tonne или ça pleut, ça tonne);

б) глаголы модального характера (il faut, il vaut mieux).

2. Конструкции с оборотами il est/c'est. В норме их грамматические и смысловые различия связаны с тем, что оборот il est с предикативом вводит высказывание и соотносится тем самым с последующей придаточной частью или предложным инфинитивом: «... Il était fatal que les mots lui parussent pauvres» [10, p. 321]. Относясь к обороту il est с предикативом к дискурсивному [синтаксису с обычной интонацией, грамматики видят в конструкции с предикативом проявление эмоционального синтаксиса (Grevisse § 524): «C'est improbable que je rentre tard» [3, p. 14].

3. Конструкции с глаголом faire в сочетании с прилагательным (реже наречием) и faire, être в сочетании с существительным: «Il faisait doux et tiède, dans cet appartement parfumé» [10, p. 34]; «Il est des peuples que tout désigne pour une guerre...» [6, p. 94].

4. Конструкции структуры (безличное il + личный глагол в безличном значении + существительное): «Est-ce qu'on ne lui a jamais appris qu'il existe des sentiments...» [3, p. 220].

5. Конструкции структуры (il + en + личный глагол в безличном значении): «Il n'en restait que le frémissement des érables rouges sous le vent» [8, p. 138].

6. Конструкции структуры (il + (косвенное местоимение-дополнение) личный глагол в безличном значении + существительное без предлога + существительное с предлогом): «...sa voix se brisa, il lui vint une manière de bégaiement...» [3, p. 183].

7. Конструкции структуры (il + местоимение в косвенном падеже + личный глагол в безличном значении + существительное): «Il ne se trouvait même pas un enfant pour lui taper sur les doigts» [3, p. 249].

8. Конструкции структуры (il + местоимение в косвенном падеже + личный глагол в безличном значении + предлог de + инфини-

нитив): «Il avait tout oublié de ses misères passées, il ne lui semblait plus possible d'être jamais malheureux» [5, p. 193].

9. Конструкции структуры (il + личный глагол в безличном употреблении + придаточное дополнительное предложение): «...il importait que l'intéressé ne s'occupât rien» [5, p. 464].

10. Безличные неразложимые обороты: il s'en faut, il se peut que, il s'agit etc.

Список литературы: 1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1979. 3. Conchon G. L'Etat sauvage. P., 1964. 4. Druon M. Les grandes familles. M., 1979. 5. Du Gard R.-M. Les Thibault. M., 1960. 6. Giraudoux J. La guerre de Trois n'aura pas lieu. P., 1970. 7. Grevisse M. Le bon usage. P., 1980. 8. Lanoux A. Quand la mer se retire. P., 1963. 9. Mauriac F. Thérèse Desqueyroux. P., 1974. 10. Simenon G. Le voyageur de la Toussaint. P., 1977.

Поступила в редколлегию 29.09.84.

М. С. РЕТУНСКАЯ

РОЛЬ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОЦЕНОЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИКИ

Номинативные ресурсы языка реализуются путем использования его словообразовательных возможностей, привлечения заимствований и модификации значений слов. Большой номинативный потенциал заложен в рекурсивном использовании лексических единиц. Этот вид именованья осуществляется с помощью различных способов вторичной номинации (непрямой, косвенной), возникновение тех или иных видов которой обусловлено влиянием социально-психологических факторов.

Использование какой-либо лексической единицы в целях вторичного наименования расширяет ее сигнификат как смысловой феномен, равный по объему понятию [1, с. 171]. Ряд исследователей считает, что специфику вторичной номинации можно использовать в такой языковой форме во вторичной функции называния, когда признаки исходного значения языковой формы выступают в качестве своеобразной ономаσιологической базы нового содержания и являются его семантическим стержнем [2, с. 4].

Основанием для вторичной номинации служит сходство тех или иных денотативных признаков различных объектов. В оценочной лексике базой вторичной номинации служит признак, который не является объективным свойством. Социальная действенность такого слова не совпадает с его способностью «адекватно обозначать предметы действительности» [3, с. 90]. Создание вторичного наименования требует от автора определенного интеллектуального усилия, необходимого для создания оригинального и неожиданного переноса имени. Метафора становится тем ярче, насколько

дальше находятся от прямого значения лексической единицы признаки явлений.

Наблюдения в сфере английской дерогаторной лексики, где дерогаторность нашла отражение в лексикографических пометах, свидетельствуют, что роль вторичной номинации чрезвычайно велика в создании социальной оценки слова [4, с. 130—131]. Оценочные словозначения входят в семантическую структуру слова на правах лексико-семантических вариантов (ЛСВ), сосуществуя в словарной статье с нейтральными вариантами или вариантами иной стилистической (эмоциональной) отнесенности. В таких случаях помета относится лишь к одному (несколько) ЛСВ, а слово в целом не является оценочным. Например, *pensionary* (*ирон.* «государственный деятель») сосуществует с двумя ЛСВ: «пенсионный» и *ист.* «пенсионарий»; *pyrotechnics* (*ирон.* «проявление блестящего красноречия, остроумия, виртуозности» или «приступ гнева, истерический припадок») — с нейтральным ЛСВ («пиротехника»).

Соотношение нейтральных и оценочных ЛСВ многозначного слова можно описывать в терминах семантического переноса. Однако такой подход не позволяет выделить маркеры социальной оценки ЛСВ слова, поскольку, во-первых, при этом подчеркивается сходство исследуемых единиц, а не их различие; во-вторых, раскрывается механизм, общий для развития семантической структуры в целом, а не в рамках отдельных его подсистем. Логичнее полагать, что коррелятом оценки каких-либо словозначений как оценочных может быть наличие в них тех семантических компонентов, которые отсутствуют у других ЛСВ того же слова.

Для выявления маркеров социальной оценки следует сопоставить основной ЛСВ с производным словозначением. Связь производного оценочного ЛСВ с основным нейтральным устанавливается на основе ассоциативных компонентов значения нейтрального ЛСВ. Так, ироническое словозначение «*senior*» («критикан», «придира») связано с ассоциативным представлением о цензоре как о придирчивом человеке, не допускающем отхода от общепринятого; *chicken* (*пренебр.* «трус», «мокрая курица») сопряжено с ассоциативным представлением о курице как о трусливом и пугливом существе, которое при малейшей опасности спасается бегством.

В результате вторичной номинации между ЛСВ устанавливаются определенные семантические отношения. Здесь возможны отдельные типы семантических переосмыслений, которые характеризуются соотношением объемов производного и производящего значений.

1. *Отношения пересечения.* Семантические объемы обоих наименований содержат один и тот же семантический компонент, выступающий в роли мотивирующего признака при формировании второстепенного значения. Данный семантический тип переосмысления возникает в результате метафоризации и основан на приписывании новому денотату признаков, характеризующих первичный денотат:

echo — 1) эхо; 2) *пренебр.* «подражатель», «эпигон» (значение подражания, повторения в обоих значениях выступает в качестве мотивирующего признака);

runt — 1) «низкорослое животное», «карликовое растение»; 2) *пренебр.* «человек маленького роста», «карлик»;

pib — 1) «рыло свиньи»; 2) *пренебр.* (о человеке).

2. *Отношения преемственности.* При наложении семантических объемов производного и производящего значений не обнаруживается пересекающихся признаков. Однако между определенными признаками в семантике соотнесенных наименований существует преемственность, на основе которой возникает новая единица номинации. Такая связь семантических объемов свидетельствует, что мотивирующий признак производящего значения переходит в производное значение в трансформированном виде. Подобные отношения характерны для метафорического переосмысления:

tub — 1) «лохань», «ушат», «кадка»; 2) *пренебр.* «жестяной ящик» (кафедра проповедника);

warrigal — 1) «динго», «дикая собака»; 2) *пренебр.* «абориген», «дикарь»;

wart — 1.1) «бородавка»; 2) *пренебр.* «прыщ» (о человеке); 2.1) «кадка», «бадья для дождевой воды»; 2) *пренебр.* «водохлеб».

3. *Отношения включения.* Семантический объем одного наименования покрывает объем соотнесенного. Отношения включения возникают в результате метонимического переноса:

cassock — 1) *церк.* «ряса», «сутана»; 2) *пренебр.* «священник», «поп»;

bald — 1) «лысый», «лысина»; 2) *пренебр.* «тонзура католического монаха»;

pigtail — 1) «тонкая косичка»; 2) *уст. пренебр.* «китаец»;

red-neck — 1) «красная шея»; 2) *пренебр.* «деревенщина».

В сфере оценочной лексики распространено явление энантиосемии (использование одной и той же лексической единицы с противоположными значениями):

dabster — 1) «знаток», «специалист», «хват»; 2) *пренебр.* «неумелый работник», «сапожник», «неумеха»;

book-learned — 1) «начитанный человек»; 2) *неодобр.* «оторванный от жизни»;

Rotarian — 1) «член аристократического клуба» («Ротари»); 2) «обыватель».

Хотя трудно установить, когда и как произошло переосмысление значения, однако главной причиной изменений такого рода являются субъективизм человеческого мышления, роль эмоций и ассоциаций в оценке тех или иных явлений. Можно предположить, что слово «dabster» с оттенком высокой похвалы стало употребляться в ироническом смысле по отношению к людям, не отвечающим этой характеристике, и постепенно приобрело пренебрежительную оценочность. Аналогичным образом в русском языке дерогаторным становятся слова «предприимчивость», «хват», «молодец».

В качестве основного во второстепенном оценочном значении часто выступает внешний признак:

- pointy-head — *пренебр.* «интеллигент», «очкарик», «умник»;
 prick-eared — *презр.* «пуританин», «голоухий»;
 long-hair — *презр.* «интеллектуал», «эрудит», «любитель серьезной музыки», «эстет»;
 bald-pate — *пренебр.* «лысый», «плешивый»;
 red-shank — *ист. пренебр.* «красноногие» (прозвище шотландских горцев);
 stuffed-shirt — *амер. пренебр.* «чванливое, напыщенное ничтожество».

Основанием для вторичной номинации служит лишь внешний признак, но презрительная или пренебрежительная оценка распространяется на все явление; в наименовании же лица оценивается личность в целом. В приведенных примерах пренебрежение (неодобрение) вызывают не формы головы, ушей, прическа, а более существенные черты представителя определенной социальной группы, религиозного направления или нации.

Представляет интерес приобретение дерогаторной оценки словом «lobster» (прямое значение — «омар»), которое имеет еще два значения, являющиеся переносными, оценочными. Об этом свидетельствует словарная статья в Oxford Advanced Learners' Dictionary:

3. A contemptuous name for: A British soldier. The name was originally applied to a regiment of Round head cuirassiers from their wearing complete suits of armour.

In later times it has been referred to the characteristic red coat. Also BOILED LOBSTER. Raw (or unboiled) lobster, a policeman: so called in contradistinction boiled lobster on account of his blue uniform 1643 [5].

Признаки, положенные в основу вторичной номинации в тех или иных значениях одного слова, различны. В первом случае (*презр.* «неуклюжий человек», «каракатица») основой служит характеристика физического действия, во втором (*презр.* «английский солдат», «красномундирник») перенос основан на цвете, т. е. чисто внешнем признаке (красный цвет вареного омара — красный мундир у английских солдат).

Информация о сходстве человека с другим объектом, имплицитруемая в значении через семантический признак, отражающий функцию объекта, является в то же время средством выражения оценки деятельности человека или его социальной роли:

- weathercock — *пренебр.* «неустойчивый, беспринципный человек»;
 wind-bag — *пренебр.* «болтун», «пустомеля»;
 tool — *презр.* «орудие» (о человеке), «марионетка».

В случае вторичной номинации лицо, дающее оценку, может достичь желаемого эффекта, если объем тезауруса его собеседника достаточно велик. Так, прагматическая сила «swami» (*ирон.* «мудрец», «светило») будет соответственно невелика, если слушающий не знаком с этимологией этого слова («наставник в индуизме»). Слушатель, плохо знающий классическую литературу, не сможет воспринять ироническое значение слова «Camelot» — правительство и окружение президента Дж. Кеннеди, «высший свет» Вашинг-

тона в 1961—1963 гг., поскольку «Camelot» — *лит. ист.* двор короля Артура. Аналогичная ситуация может возникнуть с ироническим словозначением «Gilded Age» — *лит.* «позолоченный век» (1870—1898 гг. в США) или «Lady Bountiful» — *ирон.* «благотельница», «дама-благотворительница».

Речь может идти, таким образом, о вторичной номинации как от имен нарицательных, так и собственных. Что касается имен нарицательных, то в них значительное место занимают дерогаторные названия лиц по профессии, построенные, как правило, на случайных, второстепенных признаках и отражающие в основном тенденцию к снижению общественной значимости профессий:

inkster — *пренебр.* «писатель», «писака»;
bagman — *пренебр.* «коммивояжер»;
corpse-provider — *пренебр.* «хирург»;
gerund-grinder — *пренебр.* «учитель».

Социальная мотивировка названий профессий свидетельствует о наличии определенной системы норм и представлений о социальной значимости профессий, согласно которым возникают слова-оценки. Представления о социальной значимости профессий не остаются неизменными, равно как и представления о нравственных ценностях. Так, у слов «sobersided» (невозмутимый, сдержанный), «straight» (нормальный человек, не наркоман, без отклонений в психике) главное значение совершенно нейтрально и в определенной ситуации может иметь одобрительный оттенок. Однако в процессе вторичной номинации тот же признак получает неодобрительную оценку: «sobersided» — лишенный чувства юмора, скучноватый; «straight» — добропорядочный человек традиционных взглядов, обыватель, мещанин. Причиной этого стало изменение степени проявления данного признака у объекта оценки (чуть-чуть «слишком») и качества, признак вызывает неодобрение. То же самое можно отнести и к слову «strong-minded» — *неодобр.* «развитая», «передовая», «эмансипированная» (о женщине). Указанное слово отражает социальный прогресс современного общества, издержки которого в последнее время стали очевидными.

Таким образом, оценка основана не только на наличии положительного или отрицательного качества ее объекта, но зависит также от степени его проявления у объекта. Оценочные значения всех трех слов возникли в последние годы. С учетом этого можно говорить о некоторой переоценке ценностей внутри языкового коллектива: то, что раньше считалось нормальным, даже положительным, стало вызывать (особенно у молодого поколения) негативное отношение. При всем многообразии причин и способов приобретения словом оценочного потенциала определяющим фактором является социально-экономическое развитие общества, обуславливающее характер мышления членов языкового коллектива.

Список литературы: 1. Муминов Г. А. Проблемы вторичной номинации в лексике (образование переносного значения). М., 1978, с. 171—180. 2. Лебедева М. С. Образные аспекты семантики имени существительного в совре-

менном английском языке. М., 1981. 3. *Азнаурова Э. С.* Аспекты прагматического содержания слова.— В кн.: Семантика и типология разносистемных языков. Ташкент, 1983, с. 90—97. 4. *Ретунская М. С.* Проблема социальной оценки слова.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1984, с. 130—131. 5. *Oxford Advanced Learners' Dictionary of Current English.* L., 1978.

Поступила в редколлегию 01.10.84.

Е. А. САМСОНОВА

**О СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛОЖНЫХ ИМЕННЫХ ГРУПП
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

При изучении групп типа NprpN обычно рассматривалась сочетаемость их компонентов как лексических классов [2, 3, 7], исследовалась их смысловая сторона с учетом значения предлога, анализировались группы с разными предлогами и рекомендовался перечень значений, выражаемых группой [1]. Среди групп типа NPprpNPprpNP... И. И. Токарева выделяет «простые структуры», состоящие из двух полнозначных слов (например, из mutually exclusive types of behaviour of animals она выбрала exclusive types, types of behaviour, behaviour of animals), описывает смысловые отношения внутри них и заключает, что семантика группы может быть представлена набором смысловых отношений в простых структурах. Автор классифицирует обобщенные семантико-синтаксические отношения внутри простых структур в зависимости от того, выражают ли они собственные признаки предметов и явлений или же отношения между ними [6].

Оперируя фактически единицами синтаксиса, авторы указанных работ не опираются на последовательную классификацию синтаксических (формально-структурных) единств (словосочетаний или групп). В результате семантика исследуемых единств недостаточно четко связывается с их структурой. Когда в качестве «ядерных словосочетаний» называют an apple green dress (1) и a dress with festoons (2) [3], то сопоставляют единства, объединяемые не структурным, а смысловым признаком. Так, для словосочетаний (1), (2) общим является только наличие определяющего и определяемого слов. В структурном же плане они не равноценны, так как словосочетание (1) получено с помощью «распространения» ядерного элемента (dress) неядерным (apple-green), а словосочетание (2) — его «сложением» с другим ядерным элементом (festoons).

Я. Б. Крупаткин указывает на последовательную формально-структурную классификацию именных групп, которые могут быть простыми и сложными («сложенными») [4]. Простые делятся на нераспространенные (water) и распространенные (clear cold water). В свою очередь, среди сложных различают сложносочиненные (в них простые присоединяются запятыми или союзами and,

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИЗНАКОВ

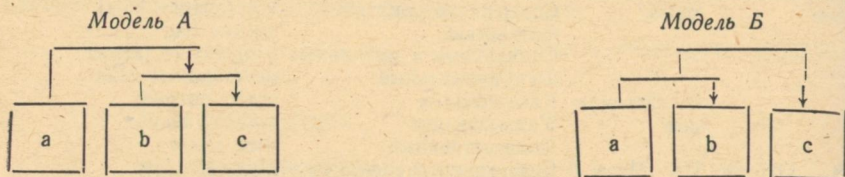
Тип	Группа	Подгруппа	Пример
А. Собственные	I. Неотъемлемые	Видовые	electronic equipment
		Содержание понятия	interference level
		Физические	yellow bag
		Социальные и моральные	progressive farmer
		Функциональные	development plan
	II. Отъемлемые	Качественные	main purpose
		Указывающие	another lane
		Количественные	nine units
В. Относительные	III. Меры и количества	Содержания и содержимого	glass of wine
		Меры	couple of days
	IV. Предикативные	Субъективные	circulating water
		Объективные	driven submarines
	V. Обстоятельственные	Места	southern girls
		Времени	emperors of antiquity
Цели		submission for consideration	
	Условия*	viscosity at room temperature	
	Причинно-следственные*	voltage versus polarization	
VI. Притяжательные	Владения	Совместности	house of the manufacturer
		Субъектно-объектные	methods with merits
		Части и целого	works of the institute
		Лица к коллективу или лицу	chapter of the book
		Признака к его носителю	member of the council
		Признака к его носителю	shortage of equipment

* Примечание. Введены автором данной статьи.

but, or, например, cold water and clear blue sky) и сложноподчиненные (здесь простые присоединяются предлогами, например, clear cold water of that lake). На основе этой классификации рассмотрим формально-структурные особенности сложноподчиненных групп [5] и проанализируем некоторые их семантико-синтаксические качества. Для исследования воспользуемся теми же 289 сложноподчиненными группами в автономной позиции — в подписях под иллюстрациями в научно-технических текстах*. Их семантико-синтаксическая характеристика определяется через сочетание смысловых отношений между составляющими простыми группами. В качестве основы взята классификация, описанная выше и дополненная двумя подгруппами (причинно-следственных признаков и условия). Следует иметь в виду, что основное значение простой группы заключено в ядре, поэтому отношения между простыми группами сводятся к отношениям между их ядрами.

* Примеры отбирались методом сплошной выборки из научно-технических журналов «Proceedings of the Institution of Electrical Engineers», «Solid-State Electronics», «Datamation», «Biometrics», «Scientific American» за 1972—1982 гг.

Однако в простых распространенных группах учитываются и признаки, получаемые ядром от элементов распространения. При описании значения сложной группы необходимо учитывать две модели иерархических отношений между простыми группами в ее составе [5]:

A. Energy diagram (for) the MISS structure (in) the high-impedance state.
 B. The network (of) Fig. 2 (after) two-delta-star transformations.

Общее значение сложной группы состоит из двух компонентных. В модели А оно выглядит так: $[a : (b : c)]$, а в модели В — $[(a : b) : c]$. Поскольку в сложных группах $(b : c)$ и $(a : b)$ смысловым ядром являются простые (b) и (a) соответственно, общие значения получают вид: для модели А — $[(a : b) : (b : c)]$, а для модели В — $[(a : b) : (a : c)]$. Определим семантико-синтаксические отношения в наших примерах.

Модель А. С помощью подчиненной группы (in) the high-impedance state денотат группы the MISS structure получает физический признак. Подобные признаки (размер, цвет, возраст, температура и т. д.) являются неотъемлемыми, объективно присущими признаками и входят в тип собственных. Таким образом, в рамках the MISS structure in the high-impedance state $(b : c)$ денотат группы the MISS structure характеризуется признаком «собственным — неотъемлемым — физическим». С помощью группы (for) the MISS structure денотат группы Energy diagram получает видовой признак с указанием на разновидность предмета (явления). Подобные признаки (неотъемлемые) входят в тип собственных. В рамках Energy diagram for the MISS structure $(a : b)$ денотат группы Energy diagram характеризуется признаком «собственным — неотъемлемым — видовым». Общее значение группы модели А, выраженное через $[(a : b) : (b : c)]$ определяется как отношение признака «собственный — неотъемлемый — видовой» к признаку «собственный — неотъемлемый — физический», т. е. с помощью непосредственно подчиненной группы денотат главной группы Energy diagram получает видовой признак, косвенно уточняемый признаком физическим.

Модель В. С помощью подчиненной группы (of) Fig. 2 денотат группы The network получает указывающий признак. Подобные признаки имеют характер внешней оценки, поскольку они указывают (не определяя) на отъемлемость, которая внутренне не присуща предмету (явлению), и входят в тип собственных признаков. Таким образом, в рамках The network of Fig. 2 $(a : b)$ денотат

группы The network характеризуется признаком «собственным — отъемлемым — указывающим». С помощью группы (after) two delta-star transformations денотат группы The network в соответствии со значением предлога after получает временной признак, выражающий время совершения действия или порядок следования событий во времени. Эти признаки являются обстоятельственными и входят в тип относительных. Итак, в рамках The network after two delta-star transformations, (a : c) денотат группы The network характеризуется признаком «относительным — обстоятельственным — времени». Общее значение группы модели В, выраженное через [(a : b) : (a : c)], определяется как отношение признака «собственный — отъемлемый — указывающий» к признаку «относительный — обстоятельственный — времени». С помощью непосредственно подчиненной группы денотат главной группы The network получает указывающий признак, дополненный обстоятельственным признаком времени.

О результатах анализа 289 групп признаков (114 — модель А и 175 — модель В) свидетельствуют следующие данные (см. таблицу). Из таблицы видно, что для отношений между двумя соседними простыми группами, т. е. в случаях (a : b) и (b : c), характерны преимущественно собственные признаки, а для отношений между двумя отстоящими друг от друга простыми группами, т. е. в случае (a : c), — относительные признаки (чаще всего обстоятельственные).

Семантико- синтаксическое отношение	Модель			
	А		В	
	a : b	b : c	a : b	a : c
AI	91/80	57/50	85/48	9/0,5
BV	19/17	45/40	51/29	149/80
ВIII, IV	4/3	12/10	39/23	17/19,5

Примечание. В числителе указано количество анализируемых групп, знаменателе — их доля в процентах к общему числу групп.

Список литературы: 1. Авдеев В. В. Функционирование ядра субстантивного словосочетания в строе предложения современного английского языка. — В кн.: Актуальные вопросы английской филологии, Рязань, 1975, с. 3—28. 2. Ионова И. М. Структурно-семантические особенности субстантивных словосочетаний в специальной литературе. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 3. Кауль М. Р. Система свободных субстантивных словосочетаний в современном английском языке. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 4. Крупаткин Я. Б. Формально-структурное описание языковых групп (фраз). — Вопр. языкознания, 1984, № 3, с. 77—87. 5. Самсонова Е. А. О трехкомпонентных сложных именных группах (фразах) в современном английском языке. — В кн.: Вопросы анализа специального текста. — Рукопись деп. в ИНИОН, рег. № 21117 от 12.06.85. 6. Токарева И. И. Опыт функционально-стилистической типологии многокомпонентных субстантивных словосочетаний современного английского языка. — Дис. ... канд. филол. наук. К., 1977. 7. Щетинин Л. М., Никифорова Г. Н. Семан-

тико-статистическая характеристика модели NpN в английском языке и ее учебно-методическая интерпретация при программированном обучении в техническом вузе.— В кн.: Технические средства обучения. Ростов н/Д, 1972, с. 189—199.

Поступила в редколлегию 12.06.84.

Л. И. САХАРЧУК

О ТЕКСТООРГАНИЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Одной из главных задач современной лингвистики ученые считают выяснение вопроса о функционировании языка. Семантика языковых единиц в рамках большого и динамичного развивающегося контекста (дискурса), как правило, существенно изменяется по сравнению с семантикой тех же единиц, изучаемых изолированно. Так, вопросительные высказывания воспринимаются не как вопрос, а как просьба или предположение («Можно предложить Вам чашечку кофе?»; «Вы не возражаете, если мы обсудим этот случай несколько позже?»; «Вы не скажете, который час?»; «Нет ли у Вас словаря?»). Данные факты можно оценить как среднюю степень пересемантизации языковых единиц в речи. Крайней формой пересемантизации слов в речи и превращение их в составе предложения в языковые единицы следует, очевидно, рассматривать фразеологизмы («Нашла коса на камень»; «Покупать kota в мешке»; «Сколько лет, сколько зим!»). Наименьшую степень пересемантизации получают слова в составе словообразовательно мотивированных единиц в тексте (Inflationsgalopp, Inflationsfieber, Rüstungstrudel, Rüstungslawine, Rüstungsfieber, Hochrüstungsfanatismus, Blutzoll, Blutkonto, Finanzamputation).

Это своеобразие в различии семантики соотносительных языковых и речевых единиц послужило одной из основных причин перехода дериватологических исследований от описания способов словообразования, а также связанных с ними словообразовательных средств и моделей, к установлению связей дериватологии со стилистикой, лингвистикой текста, синтаксисом, лексикологией. Взаимодействие дериватологии с лингвистикой текста появилось при изучении словообразовательно мотивированных слов не в изолированном виде, а в тексте. В результате наряду с потребностью в новых лексемах, ученые установили, что необходима новая синтаксическая функция для выбираемого обозначения, как одна из причин создания новых слов. Лингвисты предложили классифицировать задачи использования новых слов в новых синтаксических функциях, что углубило наше представление о природе слова и об особенностях его функционирования. Исследователи при определении задач исходили из следующих тенденций: стремления говорящего (пишущего) избежать повтора мотивирующего слова в со-

ставе придаточного предложения, синтаксического усложнения текста и превращения рематических элементов в тематические [2, с. 179—186].

Эти универсальные качества производных слов реализуются в конкретных функциональных стилях, приобретая каждый раз их специфические черты, которые в свою очередь становятся своеобразными словообразовательно-стилистическими маркерами. Следующим этапом в изучении функционирования словообразовательно мотивированных слов является их сопоставительный анализ в текстах, принадлежащих различным функциональным стилям. В дериватологии в этих целях необходимо использовать основные понятия лингвистики текста, стилистики и прагматики.

Одним из основных понятий этих областей языкознания является интерпретация текста, которая условно подразделяется на три типа: 1) дискриптивная, когда подбирается описание неязыкового коррелятора, описывающего и денотирующего соответствующий текст; 2) экспликативная, объясняющая причину описания анализируемого текста данным внеязыковым коррелятором, присущим именно ему способом; 3) эвалютивная, при которой по определенной системе оценивается проанализированное соотношение между текстом и его коррелятором [6, с. 147]. Указанные три типа можно выделить с помощью следующих принципов интерпретирующей системы языков:

гипотетической интерпретации, когда этот процесс способствует постепенному расширению (сужению) набора гипотез интерпретатора текста, а также предполагает наличие промежуточных интерпретаций, содержащих переменные, смысл которых выявляется на последующих этапах интерпретации;

композиционности, состоящей в том, что не результат интерпретации его частей, а этапность самого процесса зависит от композиции текста;

множественности видов интерпретации, понимаемой как способность интерпретатора рассматривать текст на основе неограниченного числа точек зрения, обусловленных набором схем интерпретации;

соотнесенности (иерархичности), выражаемой возможностью использовать одни типы интерпретаций в качестве исходного материала для других;

минимальности ограничений, предусматривающей интерпретацию не только грамматически правильных выражений, но и отклоняющихся от правил;

предпочтения, позволяющей выделить среди множества результирующих интерпретаций наиболее предпочтительные, а также менее допустимые;

соответствия внутреннему миру, которое обеспечивает возможность выбрать из двух конкурирующих по предпочтительности интерпретаций ту, что находится ближе к внутреннему миру интерпретатора;

«слева направо» требует интерпретации единиц текста в очередности их появления;

минимальности гипотез обусловливается процессом сужения гипотез на каждом этапе интерпретации [1, с. 369—370].

Интерпретируемый текст — это комплекс языковых знаков, который обладает следующими признаками: последовательностью предложений, образованных по грамматическим правилам и расположенных так, чтобы они представляли собой законченное по смыслу целое, характеризующееся линейным развитием темы [5, с. 13].

При исследовании роли производных слов в организации текста, будем исходить из его особенностей, заключающихся в обусловленности структурной семантики, в целостности и наличии прагматической установки. Изучая текст, важно разграничивать и определять экстралингвистические и лингвистические явления, а также следить за ними в их взаимодействии. Важность этого объясняется тем, что в данной единице наиболее характерно проявляется тесная взаимосвязь языка и мышления, логики и грамматики, психологии и лингвистики. Подобное явление объясняется экстралингвистическими условиями функционирования стилей. Книжные стили, например, характеризуются возможностью предварительной обдуманности речи, использованием монолога как ее основной формы, общественной значимостью тематики, установкой на объективность изложения, наличием «анонимного» адресата, его общественной активностью. Поэтому к подобным текстам необходимо подходить дифференцированно в зависимости от стиля. Так, художественная литература призвана воздействовать на читателя в воспитательном, морально-этическом плане, воспитывая его воображение, поскольку «человек отличается от животного способностью к воображению. Воображение создало искусство. Оно раздвинуло границы мира и сознания и сообщило жизни то свойство, что мы называем поэзией» [3, с. 96]. В этой связи чрезвычайно важную роль играет говорящий, творящий текст субъект, который подчиняет все средства художественной выразительности главной идее — художественному замыслу. Отмечая роль адресата литературной коммуникации, необходимо выделить следующие стили восприятия: мифологический, аллегорический, символический, инструментальный, миметический (восприятие через соотнесение с фактами действительности), экспрессивный (восприятие через личность автора), эстетический. Учет адресата обуславливает выбор говорящим (пишущим), т. е. субъектом, стиля восприятия, что, в свою очередь, влияет на выбор языковых средств и их сочетаемость.

Среди языковых средств художественного воздействия можно выделить постоянное повторение одного или более слов, позволяющего автору добиться целостного характера текста и единства темы, привлечь к ней внимание адресата. Разновидностью лексического повтора считается повтор корня в производных словах [4, с. 52]. Поскольку структурные, семантические и прагматические особенности употребления однокорневых лексем в тексте недоста-

точно исследованы, их изучение является составной частью рассмотрения роли языковых единиц в структурировании текста, в оформлении его целостности. Данные особенности служат одним из средств, выражающих лейтмотив текста, используемых в самых различных комбинациях.

Во-первых, это могут быть однокоренные слова с доминирующей корневой лексемой или без нее. Однокорневая лексема начального предложения «вводит» адресат в тему, подготавливая его к последующему восприятию, когда характеристика тематического понятия уточняется, детализируется и усложняется:

Katschmann klemmte den Gabelgriff zwischen Daumen und Zeigefinger und klopfte mit den Zinken auf die Tischdecke. «Wenn ... was soll das heißen, wenn...» Uwe wandte sich ab, aber er hörte das Klopfen. Gleichmäßiges dumpfes Klopfen.

Leise. Tischklopfen. Buschklopfen. Herzklopfen. Er wollte Katschmann die Gabel aus der Hand nehmen und Berta etwas sagen, aber er mußte denken: Darf man so davon sprechen. Darf man sich so verlieren in dieser Situation. Wenn. Sprach aus diesem Wenn nicht Unsicherheit? (I. Morgner).

Во-вторых, средства выражения лейтмотива, сопровождающиеся динамическим действием, могут «принимать на себя» словообразовательные элементы:

Das Heulen schwoll auf und abe als liefen unscharfe Platten auf riesigen Grammophonen (E. M. Remarque).

Das Aus—oder Ankleiden vor anderen ist zwar nicht unsittlich, aber doch unschicklich (K. Kleinschmidt). Nun fahren wir gleich zur Meldestelle, meine Brot- und Fleischkarte holen, Kartoffelkarte, Fettkarte, Seifenkarte, Zuckerkarte, und mich an- und abzumelden — den ganzen Zimt auf einmal abzutun (A. Zweig).

В-третьих, лейтмотив может выражаться комбинированно, т. е. путем взаимодействия неоднокорневых и однокорневых лексем (словосочетаний):

Tonio setzt den Starter in Gang. Ein Tritt mit der Hacke, noch zwei Tritte, und der Motor springt an.

Tonio spielt mit dem Gashebel; das Knattern des Motors schwillt an, schwillt ab und beruhigt sich (R. Vailland).

Таким образом, эффективность исследования текстообразующих функций словообразовательно мотивированных слов может быть достигнута путем применения основных понятий лингвистики текста, стилистики, прагматики и их дальнейшей разработки в дериватологических исследованиях.

Список литературы: 1. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1981, 40, № 4, с. 368—377. 2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. 3. Паустовский К. Г. Собр. соч. в 8 т. М., 1968, т. 4. 4. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983. 5. Agricola E. Vom Text zum Thema. — In: Probleme der Textgrammatik von F. Daneš und Viehweger. В., 1976, S. 13—27. 6. Petőfi J. Einige Grundfragen der pragmatisch-semantischen Interpretation von Tex-

Поступила в редколлегию 01.10.84.

О. В. СИДОРОВ

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
ГДР и ФРГ**

Аксиологический статус общественно-политических терминов (ОПТ), функционирующих в идеологическом узусе современного немецкого языка в ГДР и ФРГ, практически специально никем не исследовался за исключением Л. Д. Юдиной [5], которая предприняла попытку предварительного подхода к намеченной проблематике. Однако изучение языковых средств выражения классовых идей, норм, оценок приобретает все большую лингвистическую и социальную актуальность. Среди таких средств важное место занимают ОПТ в силу их способности выражать идеологическую оценку (ИО).

Рассмотрим ИО как видовое понятие по отношению к родовому, т. е. оценке вообще, умственному акту, выражающему ценностное отношение субъекта к объекту познания. ИО представляет собой любое высказывание (слово, предложение, текст) об идеологической ценности объекта, имеет свойственную ей структуру, элементам которой присущи признаки, обусловленные функциональными особенностями идеологии. Для субъекта аксиологического акта, например, таковым является его классовая принадлежность, а для объекта — способность удовлетворять (не удовлетворять) классовые потребности, т. е. его идеологическая ценность раскрывающая характер отношений с субъектом. При этом объекты квалифицируются как положительные, отрицательные или нулевые ценности с идеологических позиций. В роли объекта может выступать любой социальный феномен, который идеологически актуален. Поскольку актуальность одних и тех же объектов для антагонистических идеологий различна, возможны расхождения в корпусе оценочных ОПТ для идеологических узусов ГДР и ФРГ. Так, кроме ОПТ с противоположной оценочностью, существует большая группа ОПТ, выражающая идентичную идеологическую оценку (положительную или отрицательную). Семантика актуально оценочных ОПТ в системе антагонистических идеологий характеризуется широким спектром аксиологической вариативности. Так, в ходе сопоставительного анализа было выделено восемь типов идеологической оценочности ОПТ, одновременно используемых в ГДР и ФРГ.